

О ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВИДА ГЛАГОЛА

Е. Я. Титаренко

В статье рассматриваются актуальные вопросы аспектологии: статус категории вида глагола, семантическое содержание совершенного и несовершенного вида. Категория вида определяется как грамматическая категория классификационного типа.

Ключевые слова: глагол, видовая пара, аспектология, категория вида

У статті розглядаються актуальні питання аспектології: статус категорії виду дієслова, семантичний зміст доконаного і недоконаного виду. Категорія виду визначається як граматична категорія класифікаційного типу.

Ключові слова: дієслово, видова пара, аспектологія, категорія виду

This article concerns urgent problems of the aspectology: status of the category of verb aspect, semantic matter of perfective and imperfective aspect. Aspect category is defined as a grammar category of classified type.

Key words: aspectology, verb, aspectual couple, aspect category

На современном этапе развития аспектологии по-прежнему **актуален** вопрос о статусе категории вида: является ли вид в славянских языках словоизменительной, классифицирующей или словообразовательной категорией (см., например, [4]). По этому поводу высказываются прямо противоположные точки зрения: от признания всех видовых пар формами одного глагола (что предполагает наличие в современном русском языке не только формообразующего суффикса вторичной имперфективации -ИВА-/-ЫВА-, но и чистовидовых префиксов, наиболее последовательным сторонником которых был А.Н. Тихонов [8]), до утверждения, что образование видов – это словообразование, а категория вида относится к числу словообразовательных [3]. Промежуточную позицию занимали Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко и их последователи, которые в своих трудах 60-х годов прошлого века признавали вторичные имперфективы формами глагола, а префиксальные пары – разными словами.

Цель статьи – определить статус грамматической категории вида как словоклассифицирующей категории.

А.Н.Тихонов [8], М.Ю.Черткова [9], М.А.Шелякин [10] и многие другие лингвисты признают вид словоизменительной морфологической категорией. Так, М.А.Шелякин рассматривает его как специфическую категорию, представляющую собой «противопоставление двух словоформ несовершенного и совершенного вида», которое проявляется «как в видовых парах, т.е. в глаголах с одним и тем же лексическим значением, так и в одновидовых глаголах, обладающих только несовершенным или совершенным видом» [10, с.74].

А. Зализняк и А. Шмелев отмечают «реально двойственную природу вида как грамматической категории, соединяющей в себе признаки словоизменительных и словоклассифицирующих категорий: вид оказывается близок к словоизменительным категориям в той мере, в какой речь идет о тривиальных значениях имперфективного члена видовой пары, и к словоклассифицирующим – когда мы имеем в виду его нетривиальные значения» [2, с.99].

В более поздних трудах А.В. Бондарко представил свою новую трактовку коррелятивности, а именно: 1) соотносительность форм одного и того же слова; 2) соотносительность форм разных слов (лексически тождественных), признав, вслед за А.А. Реформатским, возможным словоизменительное и словообразовательное формообразование [1, с.205-222].

На этом основании А.В. Бондарко выделил три типа ГК: **последовательно коррелятивные** (наклонение, время, число, род глагола и др.), **непоследовательно коррелятивные** (вид и залог глагола и др.) и **некоррелятивные** (род существительных). Глаголы в видовых парах автор считает разными словами «с тождественным лексическим значением» [1, с.205-222].

М.Ю. Черткова доказывает, что тенденция развития категории русского вида на современном этапе состоит в ее эволюции из категории словоклассифицирующей в категорию все более и более словоизменительную, аналитическую. На наш взгляд, с таким утверждением в целом трудно согласиться, однако мы солидарны с исходным постулатом: категория вида является (или являлась) словоклассифицирующей.

Анализируя изначальный смысл терминов, мы задались вопросом: почему в аспектологии закрепился термин «видовая пара»? Если речь идет об **одном глаголе**, об одной лексеме, то почему говорят о видовой **паре глаголов**? Ведь в лингвистике нет понятия, например, «родовая пара» или «числовая пара» о единственном – множественном числе существительных. Очевидно, потому, что **пара** глаголов – это **два** глагольных слова, различающихся своим грамматическим (видовым) значением.

С другой стороны, если принять теорию словоизменительного характера категории вида и предположить, что глагол **изменяется по видам**, принимая **форму** СВ либо НСВ, то образцом такого глагола в русском языке является типичный «**двувидовой**» глагол. Почему же о двувидовых глаголах принято думать как об «аномалии» в аспектуальной системе русского языка, почему ведутся дискуссии о том, каковы тенденции их дальнейшего развития, разрушается ли двувидовость и т.п.? Если вид –

словоизменительная категория, то именно двувидовые глаголы – наиболее убедительное доказательство этого. Однако подавляющее большинство двувидовых глаголов имеет нерусское происхождение, количество исконно русских лексем минимально, к тому же, по данным некоторых лингвистов, именно в этой группе двувидовость активно разрушается и глаголы функционируют преимущественно как одновидовые или парные (см.[2]).

Если же представить, что глаголы *распределяются по видам* как существительные по родам, что вид – это обязательная неотъемлемая грамматическая характеристика каждого глагольного слова, отличающая его от слов другого вида, то можно объяснить, почему у глаголов разных видов различны парадигмы, различна сочетаемость и другие характеристики: потому что это *разные* глаголы, связанные между собой мотивационными связями. Лексические значения некоторых из них могут сближаться до почти полного совпадения – существуют же лексические синонимы, дублиеты, паронимы и т.п. Наше исследование семного состава глагольных слов позволило обнаружить разные комбинации сем и грамм у глаголов разных видов, что также доказывает словоклассифицирующий характер категории вида.

В нашем представлении глаголы разных видов различаются набором сем, среди которых выделяются семы лексические и грамматические (в дальнейшем называемые «граммами»). Релевантными являются *граммы*: **Ед.** (единичность), **Повт.** (повторяемость), **Л.** (временная локализованность) и **НЛ.** (временная нелокализованность).

Для СВ характерно наличие семы **Лим.** (лимитативность), для НСВ – семы **П** (предельность) либо **НП** (непредельность). Представим семную формулу граммы глагола в виде простой дроби, в числителе которой расположено семы, а в знаменателе – граммы. В таком случае формула СВ в самом общем виде выглядит так:

$$\frac{\text{Лим.}}{\text{Ед.Л.}}$$

А формула граммы НСВ – $\frac{\text{П}}{\text{Ед.Л. // Повт. НЛ}}$ либо $\frac{\text{НП}}{\text{Ед.Л. // Повт. НЛ}}$ [7].

Как видим, НСВ может быть представлен двумя граммами, которые различаются, однако, не *граммами*, а *семами* предельности/непредельности. Для некоторых глаголов НСВ формулы можно объединить, поскольку если анализировать не отдельные ЛСВ (как это принято в аспектологии и как это делаем мы), а глагольную лексему с учетом полисемии, то нередко предельность присуща одним ЛСВ, а непредельность – другим (например, *читать* книгу – уметь *читать*). Таким образом, формула НСВ таких глаголов –

$$\frac{\text{П // НП}}{\text{Ед.Л. // Повт. НЛ}}$$

Грамма **Ед.** коррелирует с граммой **Л.**, а граммма **Повт.** – с грамммой **НЛ.**, потому что локализованное во времени действие конкретно, единично (конкретно-процессная функция НСВ), а повторяющееся действие связано с временной нелокализованностью. Таким образом, наборы *грамм* **Ед.Л.** и **Повт.НЛ** взаимоисключают друг друга. Они не могут быть одновременно актуализованы, хотя могут быть одновременно погашены или нейтральны (как в общефактическом значении НСВ).

Таковы общие формулы видов, однако у каждого глагола в лексической семантике могут присутствовать и другие семы, скажем, такие, как **Ит.** (итеративность), **Одн.** (однократность) или другие. Эти семы могут содержаться в ядре лексического значения корня либо в семантике глагольных аффиксов, от чего зависит их «сила» или «слабость», т.е. их влияние на функционирование глагола в контексте. Семы вступают во взаимодействие с граммами и другими семами. В результате такого взаимодействия они могут нейтрализоваться, погашаться, усиливаться и т.д. Кроме того, на усиление или зачеркивание сем «работает» и контекст (об этом более подробно в нашей работе [7]).

Таким образом, сравнивая формулы видов, можно обнаружить, что граммма НСВ отличается от граммы СВ наличием *грамм* **Повт. НЛ**, которые, как уже было сказано, никогда не могут быть актуализованы одновременно с *граммами* **Ед.Л.**, присущими СВ. Вот почему глаголы СВ сами по себе не могут обозначать повторяющееся, нелокализованное во времени действие. В таком случае **маркированным** оказывается НСВ, поскольку его грамматическая семантика сложнее, чем семантика СВ.

Возражая против классификационного статуса категории вида и проведения параллели с категорией рода существительных, А.В. Бондарко пишет, что для категории рода имен существительных «исключается противопоставление граммем внутри одного слова или одного же лексического значения» [1, с.214]. В словах типа *больной* – *больная*, *дежурный* – *дежурная* автор справедливо видит «словообразовательное соотношение форм разных слов по признаку пола, а не коррелятивность форм при тождестве лексического значения» [1, с.214]. Однако не только субстантивированные прилагательные, но и существительные типа *студент* – *студентка*, *учитель* – *учительница* и т.п. различаются грамматической категорией рода при общности лексического значения, что подтверждается лексикографической практикой. Так, в МАСе читаем: **студентка** – *женск.* к студент; **учительница** – *женск.* к учитель [6]. (Ср. толкование глаголов типа *подписать* – *подписывать*, *строить* – *построить* путем отсылки к видовому корреляту НСВ (реже СВ).)

Конечно, количество «парных» по роду существительных в процентном отношении ко всем остальным существительным значительно уступает количеству парных глаголов среди всей глагольной лексики, однако это, по нашему мнению, объясняется только тем, что категория рода имеет рациональную основу лишь у существительных, называющих лиц или животных, в остальных случаях этимология рода немотивирована.

Выводы. Таким образом, вид глагола – это грамматическая категория классифицирующего типа, как категория рода имен существительных. В русском и украинском языках степень грамматичности вида выше, чем в западославянских, но ниже, чем в болгарском [5]. Глаголы разных видов различаются составом лексических и грамматических сем (которые мы называем *граммами*). Формула НСВ сложнее формулы СВ, поскольку включает, помимо набора грамм **Ед. Л**, еще и граммы **Повт. НЛ**. В каждом конкретном глаголе происходит взаимодействие лексической и аспектуальной семантики, в результате которого семы и граммы могут усиливать, поддерживать, зачеркивать и т.п. друг друга, а контекст может их актуализировать, нейтрализовать или погашать.

Литература:

1. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736с.
2. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 226с.
3. Милославский И.Г. Вид русского глагола как словообразовательная категория // ФН. – 1989. – №4
4. Перцов Н.В. Русский вид: словоизменение или словообразование? // Типология вида: проблемы, поиски, решения. – М, 1998. – С.343-355.
5. Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 256с.
6. Словарь русского языка: В 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус. яз./ Под ред. А.П.Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981.
7. Титаренко Е.Я. Взаимодействие лексической и грамматической аспектуальности в русском глаголе // Ученые записки Таврического нац. ун-та. – 2002. – Т.15 (54). – №4: Филол. науки. – С.99-113.
8. Тихонов А.Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографии. – М.: Academia, Языки народов России, 1998. – 280с.
9. Черткова М.Ю. Грамматическая категория вида в современном русском языке. – М.: МГУ, 1996.
10. Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка. – М.: Русский язык, 2001. – 288с.